

ПРЕЗИДЕНТСТВО Д. ТРАМПА: НОВИЗНА И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ

О.В. Приходько, П.Е. Смирнов

Институт США и Канады Российской академии наук

Администрация Д. Трампа, пришедшая к власти в результате президентских выборов 2016 г., привнесла свои ярко выраженные особенности в американскую внешнеполитическую философию и продемонстрировала во многом новые подходы в практической политике. Фактический отказ 45-го президента от либерально-глобалистской парадигмы, недоверие к международным институтам, готовность выйти из ключевых для мировой стабильности соглашений, под которыми стоит подпись США, ставка на национал-капитализм и торговый протекционизм вызвали серьёзный кризис в отношениях с союзниками и партнёрами, дали новые основания для конфронтации с теми странами, которые являются для Вашингтона соперниками.

В представленной статье авторы сопоставляют те философско-доктринальные элементы, которые лежат в основе «большой стратегии» Д. Трампа, с основными практическими шагами, уже предпринятыми его администрацией во внешней и торгово-экономической политике. Основной вывод, вытекающий из этого анализа, состоит в том, что очевидный отказ Трампа от лидерства в формировании либерального мирового порядка, основанного на многосторонних институтах, не может означать какого-либо изоляционизма США внутри этой системы, какую бы философию ни исповедовали хозяин Белого дома и ведущие члены его команды. Действия Вашингтона на протяжении 2017 и первой половины 2018 г. свидетельствуют о том, что риторика Д. Трампа о нежелании навязывать кому-либо американский образ жизни отнюдь не противоречит готовности использовать в американских интересах силовые механизмы в кризисных и конфликтных регионах, расширять военное присутствие там, где Вашингтон видит угрозу своим стратегическим интересам, в том числе в непосредственной близости от границ России. Необходимость такого проецирования силы, поддержания руководимых США военно-политических альянсов – какими бы глубокими ни были разногласия между Вашингтоном и его союзниками по поводу вклада в совместную оборону – остаётся одним из важнейших элементов преемственности в американской стратегии. Это неизбежно означает и усиление конфронтации с Россией и Китаем, которые администрация Трампа объявила «ревизионистскими державами». В сложившихся условиях выход из глубокого кризиса в российско-американских отношениях становится ещё более трудной задачей и потребует нестандартных творческих подходов.

УДК 327.51

Поступила в редакцию 12.10.2018 г.

Принята к публикации 11.12.2018 г.

Ключевые слова: стратегия США, внешняя политика Д. Трампа, Россия, Китай, Европа, союзники, партнёрства, миропорядок, влияние, глобализм, национализм, транзакционизм.

Внешнеполитическая активность президента Д. Трампа, который бросил вызов некоторым укоренившимся постулатам американского политического истеблишмента, вызвала повышенный интерес у отечественных и западных политологов. Российские исследователи в своих работах, как правило, фокусируются на изучении отдельных проблемных и географических аспектов внешней политики США. Так, П.П. Яковлев предпринимает попытку определить, какое влияние политика Д. Трампа оказывает на системные процессы в сфере мировой экономики и торговли, и приходит к выводу, что она стала важным элементом формирования нового глобального мироустройства [8].

Существенное место в исследованиях отечественных и зарубежных экспертов занимает вопрос о том, какое влияние доктринальные установки и практическая политика Д. Трампа в сфере международных отношений и мировой торговли оказывают на процессы глобализации, какое будущее вообще ждёт глобализацию в условиях, когда страна, которая по-прежнему в решающей степени определяет мировые политико-экономические тенденции, устами своих лидеров провозглашает, по сути, возврат к национал-капитализму, меркантилизму, торговому протекционизму и безусловному приоритету национальных государств. О наступившем кризисе глобализации и даже о деглобализации – как о процессе, при котором происходит «возвращение к ситуации, когда национальное государство несёт ответственность за состояние дел в пределах своей территории и в отношениях с другими членами международного сообщества», – некоторые исследователи начали писать тогда, когда до прихода Д. Трампа в Белый дом было ещё далеко, когда в Великобритании ещё не был проведён референдум о выходе из ЕС, который также укрепил антиглобалистский тренд в мире [4, с. 43].

В то же время некоторые российские исследователи не спешат изображать политико-экономические приоритеты Д. Трампа как антиглобалистские и считают (как, например, И.И. Антонович), что речь идёт лишь о замене панглобализма более мягкой формулой «национал-глобализма», ведь США при 45-м президенте отнюдь не отказываются от стратегии мирового доминирования, а заявляют о стремлении обеспечить при реализации этой цели безусловный приоритет американских национально-стратегических интересов [1, с. 41]. Следует упомянуть также одну из работ, вышедшую в РАНХиГС и делающую вывод, что, хотя защита либерального мирового порядка не является приоритетом для Д. Трампа, можно «с уверенностью говорить о том, что возвращение к меркантилизму не означает отказа США от работы с многосторонними мировыми институтами» [5, с. 41].

Заметное место в работах отечественных политологов занимает анализ возможных изменений в российско-американских отношениях после избрания Д. Трампа. А.Г. Арбатов и Н.К. Арбатова отмечают, что существенные сдвиги могут произойти также в отношениях США с союзниками в Европе и Азии, соседями по Американскому континенту, с Китаем, Ираном и исламским миром в целом. Иными словами, можно ожидать наступления нового этапа международных отношений. Однако упомянутые исследователи добавляют, что, учитывая внутривнутриполитическую ситуацию в США и спонтанный характер предвыборных заявлений Д. Трампа, не ясно, какой курс будет проводить его администрация, если и когда она сформулирует последовательную линию [2].

Многие западные политологи (в частности, Дж. Айкенберри и Б. Поусен) сводят появившиеся при Д. Трампе изменения в американской стратегии в основном к отказу от экспорта демократии, либеральных ценностей и пренебрежению к институтам, которые призваны их продвигать в сфере международных отношений [16; 19]. Они также отмечают важное значение, которое нынешний глава американского государства придаёт фактору силы в широком смысле слова (включая политические, экономические, внешнеторговые, технологические параметры, а не только его чисто военное измерение), для укрепления международных позиций США, при одновременном принижении роли инструментов традиционной дипломатии. Э. Абрамс и Х. Брэндс, анализируя решения и практические шаги начального периода деятельности нынешней администрации, обращают внимание на особенности внешнеполитической философии Д. Трампа, выраженной в лозунге «Америка прежде всего» [9; 11]. Другие политологи, в частности М. Кларк и А. Рикеттс, пытаются найти в американской истории аналогии сегодняшнему подходу Соединённых Штатов в международных делах [12].

Однако из всех этих исследований нельзя сделать вывод, что у администрации Д. Трампа сформировалась какая-то цельная внешнеполитическая стратегия. Авторы данной статьи предлагают взглянуть более комплексно на то, что представляла собой политика США в международных делах в прошедший период президентства Д. Трампа, и попытаться определить, что в этих деяниях носило конъюнктурный характер, а что было продиктовано долгосрочным стратегическим видением.

Основные доктринально-философские черты стратегии Д. Трампа

«Трампизм» как политическая философия отнюдь не является чем-то принципиально новым для американского политического мышления. Отчасти Д. Трамп выступает как наследник тех подходов к внешнеполитической стратегии, которые проявили себя в предыдущие периоды, особенно в период правления администрации Дж. Буша-мл. с его ставкой на унилатерализм, вызвавшей первый после окончания холодной войны серьёзный кризис мирового порядка, основанного на международных институтах, и тех военно-политических альян-

сов, где Вашингтон выступает как лидер. Однако именно с приходом Д. Трампа на пост президента США в первый раз возникает ситуация, когда, по мнению многих исследователей, под угрозой оказался весь либеральный международный порядок в целом. Как утверждает, например, профессор Принстонского университета Дж. Айкенберри, «впервые, начиная с 1930-х гг. Соединённые Штаты избрали президента, активно проявляющего враждебность по отношению к либеральному интернационализму. Торговля, альянсы, международное право, мультилатерализм, защита окружающей среды, проблема пыток и права человека – по всем этим вопросам президент Трамп успел сделать заявления, которые, будь они воплощены в жизнь, фактически покончат с ролью Америки как лидера либерального миропорядка» [15, p. 7].

«Философия Трампа» возникла, прежде всего, как реакция на кризис глобалистских подходов к мировому политико-экономическому порядку, на те растущие издержки, которые глобализация несёт американской экономике и благосостоянию весьма значительной части граждан США. Как пишут научный сотрудник Пенсильванского университета Р. Фридман Лисснер и сотрудник Йельской школы права М. Рэпп-Хупер, «глобализация принесла с собой несколько десятилетий всё более свободной торговли, успешного роста жизненного уровня в развивающихся странах и снижения стоимости потребительских товаров в развитых экономиках. Однако перенос в другие страны малоквалифицированных рабочих мест в сочетании с автоматизацией и ростом цифровой экономики ухудшили перспективы для многих американцев ... Большая часть американской общественности по-прежнему поддерживает мировую торговлю; тем не менее, растёт скептическое отношение к новым торговым сделкам, как показывает двухпартийная кампания нападок на Транстихоокеанское торговое партнёрство (ТТП) во время избирательной кампании 2016 г., и увенчавший эту кампанию выход из данного соглашения, осуществлённый президентом Трампом. Нельзя больше рассчитывать на то, что всё большая открытость рынков будет пользоваться неизменной поддержкой внутри страны» [17, p. 15].

Другая важнейшая причина, предопределившая самый серьёзный в послевоенный период кризис либерального миропорядка – фундаментальное перераспределение экономической и политической мощи в глобальном масштабе, и, прежде всего, относительное ослабление влияния США и их союзников по сравнению с временами, когда они создавали основы мирового порядка. По мнению Дж. Айкенберри, «период однополярности, когда Соединённые Штаты доминировали в мировых экономических и военных рейтингах, заканчивается. Европа и Япония также ослабли. Вместе вся эта старая триада покровителей послевоенного либерального порядка постепенно снижает свою долю в широко понимаемом распределении глобальной мощи». [15, p. 11]

Профессор Стэнфордского университета Ф. Фукуяма, во многом пересмотрев свой тезис о «конце истории», в одной из своих книг, вышедшей в 2004 г., по крайней мере, частично обосновал те философско-концептуальные подходы,

которые в середине второго десятилетия нынешнего века легли в основу политики Д. Трампа. Противопоставляя американский (в его представлении) подход европейским подходам, основанным на приоритетности воли международного сообщества, Фукуяма, в то время один из главных идеологов неоконсерваторов, обосновывавших интервенционистскую и унилатералистскую политику Дж. Буша, решительно настаивает на приоритетности национального государства: «Хотя мы не желаем возвращаться к миру конфликтующих великих сил, мы действительно нуждаемся в том, чтобы заботиться о потребности в силе. Только государства ... способны объединить и целесообразно разместить силы обеспечения порядка. Эти силы необходимы, чтобы обеспечить правление закона внутри страны. Те, кто выступает за “сумерки государственности” – являются ли они поборниками свободного рынка или преданы идее многосторонних договоров, – должны объяснить, что именно заменит силу суверенных национальных государств в современном мире ... На самом деле эту пропасть заполнило разношёрстное собрание международных организаций, преступных синдикатов, террористических групп и так далее, которые могут обладать в определённой степени властью и легитимностью, но редко и тем, и другим сразу. За неимением ясного ответа нам остаётся только вернуться к суверенному национальному государству и снова попытаться понять, как сделать его сильным и успешным» [7, с. 199].

Сегодня, правда, Фукуяма является одним из самых резких критиков нынешнего главы Белого дома, обвиняя его в популистском национализме и ставя его в один ряд с такими лидерами, как президент Турции Р.-Т. Эрдоган или премьер-министр Венгрии В. Орбан¹. Автор идеи «конца истории» надеется на то, что «либеральную гегемонию» США ещё можно возродить, и, похоже, не осознаёт, что «трампизм» является логическим развитием тех изложенных выше идей, которые он проповедовал чуть больше десятилетия назад.

В чём заключается суть «большой стратегии» Трампа (если использовать определение, которое дали в своей статье в журнале «Форин полиси» в конце января 2017 г. – сразу после прихода Д. Трампа в Белый дом – консультант по вопросам стратегии Центра дипломатии и глобального взаимодействия, бывший заместитель помощника президента Б. Обамы и советник бывшего вице-президента Дж. Байдена К. Каль и профессор международных отношений Университета Джонса Хопкинса Х. Брэндс)? Авторы определяют «большую стратегию» как концептуальную систему, которая структурирует и формирует внешнюю политику. Они постулируют, что лидер, который проводит в жизнь эту стратегию, не ограничивается тем, что просто реагирует на международные события разово или от случая к случаю, ведь как минимум, «большая стратегия» состоит из понимания базовых контуров международной обстановки, высших интересов и

¹ См.: Fukuyama F., Muggah R. Populism is poisoning the global liberal order // The Globe and Mail, January 29, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/populism-is-poisoning-the-global-liberal-order/article37777370/> (дата обращения: 27.03.2018).

целеустановок страны в соответствующей среде, наиболее опасных угроз, с которыми сталкиваются эти интересы, и мер, которые страна может предпринять, чтобы ответить на эти угрозы, укрепить национальную безопасность и благосостояние своих граждан. Обозначив три угрозы, которые кажутся новому президенту ключевыми (радикальный ислам; нечестные торговые сделки и торговые практики основных конкурентов Америки; нелегальная иммиграция), эксперты выделяют четыре элемента этой стратегии Трампа:

1. Экономический национализм (в соответствии с формулировкой, данной тогдашним главным стратегом Белого дома С. Бэнноном), означающий, что США готовы прибегнуть к протекционистской и меркантилистской внешней политике, больше знакомой по XIX и XX, чем по XXI в.

2. «Чрезвычайный» подход к национальной безопасности: стена на границе с Мексикой, другие меры по укреплению безопасности на границе, угрозы прибегнуть к массовым депортациям нелегальных мигрантов, закрыть на неопределённый срок въезд беженцам из Сирии и временно запретить иммиграцию из ряда мусульманских стран, пока не будут разработаны соответствующие механизмы проверки этих мигрантов.

3. «Аморальный транзакционализм» – центральный элемент «большой стратегии» Д. Трампа, предполагающий, что США должны быть готовы заключать сделки с любыми игроками, которые разделяют американские интересы, не обращая внимания на то, насколько характер этих отношений располагает к заключению сделок, и независимо от того, разделяют ли эти партнёры американские ценности.

4. Демонстративный, но при этом весьма абстрактный милитаризм. Он проявляется в том, что Трамп длительное время выступал в поддержку «высочайшего уровня военной мощи», но при этом заявляет, что его цель заключается не в военных авантюрах и в укреплении руководимых США альянсов, а скорее, в сдерживании потенциальных противников и уничтожении тех, кто попытается атаковать США².

К этому можно добавить резкое неприятие Д. Трампом мультилатералистского (многостороннего) подхода к основным проблемам миропорядка, в чём он значительно превзошёл Дж. Буша-мл., который постоянно подвергался обвинениям в унилатерализме. В противовес глобалистскому мультилатерализму, утверждает профессор Эксетерского университета (Великобритания) Д. Стоукс, 45-й президент США отдаёт предпочтение «экономному билатерализму», который отвергает внешнюю политику, основанную на идеях социальной трансформации (права человека, демократия), и означает ставку на заключение «сделок» на двусторонней основе в зависимости от того, как это соответствует предпола-

² Kahl K, Brands H. Trump's Grand Strategic Train Wreck. Believe it or not, the president has a grand strategy. But it's a nightmarish mess //Foreign Policy, January 31, 2017 [Электронный ресурс]. URL:http://foreignpolicy.com/2017/01/31/trumps-grand-strategic-train-wreck/?utm_content=bufferc443e&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer (дата обращения: 17.06.2018).

гаемым политическим и экономическим интересам Америки. При этом он крайне отрицательно относится к любым режимам и механизмам, сдерживающим свободу действий США [21, p. 137].

Внешняя политика Д. Трампа: особенности первого года президентства

Прошедший период пребывания Д. Трампа в Белом доме показал, что внешняя политика нынешней администрации по многим важнейшим международным проблемам разительно отличается от того курса, которого придерживались США в течение многих лет. В ходе избирательной кампании 2016 г. и вскоре после инаугурации новый глава американского государства делал заявления столь отличные от устоявшихся представлений американской политической элиты, что это заставляло задуматься о том, продиктованы ли они конъюнктурными соображениями внутривнутриполитической борьбы или отражают его истинные воззрения. Многие из высказанных им внешнеполитических идей были настолько радикальными, что вызвали отторжение даже у экспертного сообщества Республиканской партии. Их общий смысл сводился к тому, что и противники, и союзники стремятся нажиться за счёт США, и что необходимо положить конец этой порочной практике. По замечанию американских политологов, которые хорошо знакомы с биографией Д. Трампа, это мнение является его стойким убеждением, а не данью популистской риторике. Критика, с которой в наши дни американский президент обрушился на союзников и торговых партнёров (особенно здесь досталось Германии и Мексике), по существу ничем не отличается от его нападок на Японию и Кувейт тридцатью годами ранее³.

Главный системный принцип внешней политики Д. Трампа сводится к идее, что страна стала объектом эксплуатации внешними игроками вследствие своего участия в «неправильных» международных соглашениях – военно-политических союзах, пактах о свободной торговле, многосторонних организациях, и что во имя нового процветания Америки необходимо рассматривать международные отношения как игру с нулевой суммой и пересмотреть плохие сделки, заменив их хорошими. В одной из своих предвыборных речей в апреле 2016 г. он прямо заявил, что «Америка прежде всего» будет сквозной темой его президентства, если он победит на выборах. Выступая с представлением новой Стратегии национальной безопасности США 18 декабря 2017 г., Д. Трамп – в то время уже президент США – фактически выступил с обвинениями в адрес своих предшественников: «Многие из наших лидеров забывали, чьи голоса они должны были уважать и чьи интересы они должны были защищать. Наши лидеры в Вашингтоне заключали губительные торговые сделки, которые принесли огромные прибыли многим иностранным государствам, но также отпра-

³ T. Wright. Trump's 19th Century Foreign Policy. January 20, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/01/donald-trump-foreign-policy-213546> (дата обращения: 09.05.2018).

вили в эти страны тысячи американских заводов и миллионы американских рабочих мест»⁴.

Подобный подход явно расходится с тем, что Вашингтон декларировал в течение многих десятилетий, но он отражает взгляды той части американского политического класса, которая опасается, что глобализация ведёт к ущемлению суверенитета США. И именно на этих опасениях в полной мере играет Д. Трамп, заявляя о необходимости избавления от навязанных стране избыточных международных обязательств и минимизации издержек американского глобального лидерства. Однако он никогда не допускал того, что США могут самоустраниться от главенствующей роли в мировых делах, хотя, как отмечают некоторые американские обозреватели, его выступления порой напоминают фразеологию сторонников изоляционизма предвоенной эпохи.

В результате внешнеполитические шаги нынешней администрации оказались во многих случаях не столь радикальными, как это можно было ожидать исходя из предвыборных обещаний президента. По ряду важных направлений решения Д. Трампа оказались на практике в значительной мере созвучными взглядам американского политического мейнстрима. Прежде всего, это касается военно-политических отношений с союзниками в Европе и Азии. Президент уже не вспоминает, например, о своём высказывании в ходе президентской кампании, что союзникам, видимо, стоит позволить приобрести ядерное оружие для своей защиты (он имел в виду Южную Корею и Японию в контексте «северо-корейской угрозы»), зато военная активность США в АТР явно возросла по сравнению с предыдущими годами, хотя не он, а его предшественник, объявил о развороте американской политики в сторону Тихоокеанского региона.

Многие политические установки, провозглашённые Д. Трампом в соответствии с его лозунгом «Америка прежде всего», в том числе в сфере внешней, военной и торгово-экономической политики, сразу вступили в острое противоречие с реальной обстановкой в тех или иных регионах мира, выявили, что, независимо от этих установок и призывов, Вашингтону всё равно придётся заниматься решением тех или иных конкретных проблем, в которых переплетаются самые различные аспекты, возникает множество смежных проблем, и простые рецепты в любом случае не сработают. Как подчёркивает, например, директор Института США и Канады РАН В.Н. Гарбузов, «одно намерение Трампа сдерживать Китай тут же ставило дополнительные вопросы: о России и сложившемся уже российско-китайском партнёрстве, о роли Китая в АТР, о судьбе Транстихоокеанского партнёрства и бывших его участниках, неожиданно быстро оставшихся без надёжного покровителя». Аналогичные противоречия, по мнению учёного, встают при решении проблемы сирийского урегулирования (необходимость совместить диалог между участниками конфликта и прекращение войны в регионе с ликвидацией ИГИЛ, разработкой вопросов о будущем государственном устройстве Сирии, о судьбе президента Асада, при условии сохранения геополитических позиций США и России в регионе), в процессе международных усилий, связанных

с Украиной, Крымом и Донбассом, где переплелись «и экономические интересы украинских олигархов, и политические амбиции киевских демагогов, и бесконтрольность боевых формирований различного толка, и страдания простых людей, и геополитические планы куда более мощных игроков. Связана с ними и проблема санкций» [3, с. 19].

Несмотря на критику в адрес европейских государств за недостаточность оборонных расходов и иждивенческое поведение в вопросах безопасности, Д. Трамп санкционировал наращивание американского военного присутствия в Восточной Европе, причём в гораздо больших объёмах, чем это было при его предшественнике. В бюджете Пентагона на 2018 фин. г. расходы на эти цели были увеличены почти на 1,5 млрд долларов. При нынешнем президенте возросла интенсивность боевых действий США на Ближнем и Среднем Востоке. В апреле 2017 г. и 2018 г. они дважды осуществили ракетные атаки по объектам сирийского государства и правительственной армии, активизировали операции против талибов в Афганистане и резко увеличили интенсивность авиаударов по ним. Как замечает американский политолог Б. Поусен, «по всему спектру вопросов, касающихся жёсткой силы, политика администрации Д. Трампа выглядит уж во всяком случае более амбициозной, чем политика Барака Обамы» [19, р. 20].

Важную роль в эволюции взглядов Д. Трампа играет не только давление политического истеблишмента на Белый дом. Объективная логика развития событий побуждает его сдвигаться к более умеренной позиции по целому ряду вопросов, а в отдельных случаях и кардинально менять своё мнение, как, например, по ситуации в Афганистане, – в период избирательной кампании он обещал вывести оттуда войска, а вместо этого усилил американскую военную группировку. Однако оппоненты президента сомневаются, что он смог осознать опасный радикализм своих предвыборных предложений. По мнению американского политолога Х. Брэндса, «было бы ошибкой делать вывод, что система просто укротила амбиции Д. Трампа, ведь он наложил свой отчётливый и главным образом деструктивный отпечаток на стратегию США [11, р. 8]».

Укоренившиеся политические и институциональные практики невозможно изменить одним махом, а неортодоксальность идей не всегда является притягательной силой. Президент столкнулся с трудностями при формировании высшего эшелона администрации и правительственного аппарата, в подборе людей, которые искренне разделяли бы его философию «Америка прежде всего». Под влиянием внутривнутриполитических обстоятельств он был вынужден отодвинуть на второй план или даже вовсе расстаться с некоторыми знаковыми фигурами в своей команде, которые являлись выразителями ультраконсервативной (ультраправой) идеологической платформы, в частности с С. Бэнноном. Ему пришлось довольствоваться назначением на ключевые посты людей типа Дж. Мэттиса или Дж. Келли, которые придерживаются более традиционных взглядов на международные проблемы. Как результат, в осуществлении некоторых своих внешнеполитических идей, в частности, по проведению саммита с российским лидером

В. Путиным, американский президент вынужден преодолевать сопротивление своего ближайшего окружения.

Первоначальные планы Д. Трампа подвергаются значительной корректировке в результате ожесточенного сопротивления, которое они встречают со стороны влиятельных кругов американской политической элиты и профессиональной бюрократии. Это и противодействие Конгресса, который законодательно ограничил полномочия исполнительной власти в принятии некоторых решений по России и некоторым другим странам; это и постановления судебных инстанций по вопросам иммиграции; это и беспрецедентная антипрезидентская кампания в СМИ. Д. Трамп так и не смог ничего противопоставить двухпартийному консенсусу, который, отражая негативистский подход политической элиты США к нынешней России, блокирует любые инициативы, направленные на сотрудничество двух стран. В результате в российско-американских отношениях возоблудала конфронтационная модель, хотя сам президент возможно искренне и желает изменить ситуацию к лучшему.

Российская тематика и необходимость противостоять «неприемлемому поведению» Москвы остаются в США одним из немногих инструментов, позволяющих сдержать распад двухпартийного консенсуса по многим другим ключевым внешнеполитическим вопросам, на который обращают внимание всё большее число американских экспертов. В частности, профессор Стэнфордского университета К. Шульц указывает, что Д. Трамп стал продолжателем тенденции, заключающейся в том, что международные соглашения, под которыми США поставили свою подпись, часто становятся жертвами межпартийных противоречий (правда, эта тенденция в значительно большей степени характерна для республиканских администраций). Если при Дж. Буше-мл. такое отношение к себе в США испытали Киотский протокол, Международный уголовный суд и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), то после прихода в Белый дом Д. Трампа Вашингтон вышел из Транстихоокеанского партнёрства, Парижского соглашения по климату, Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе, заявил о необходимости начать новые переговоры по НАФТА и торговому соглашению с Южной Кореей. Для союзников США, в первую очередь по НАТО, считает Шульц, такая тенденция, усугубляемая сомнениями в приверженности Д. Трампа обязательствам по коллективной обороне, является весьма тревожной, да и возможность воздействовать на недружественные государства (Иран, Северная Корея) существенно снижается [20, pp. 19-20].

В то же время Д. Трамп более узко определяет круг национальных интересов в международных делах во избежание перенапряжения американских ресурсов и повторения ошибок своих предшественников, которые ввергли страну в войны на Ближнем Востоке без видимого успеха (Афганистан, Ирак). Один из главных уроков, который он хорошо усвоил, состоит в том, что насильственная смена неудобных правящих режимов, как правило, себя не оправдывает в долго-

срочной перспективе. Он неоднократно заявлял, что США, истратив несколько триллионов долларов на Ближнем Востоке, по существу ничего не получили взамен⁵. Его подход больше напоминает модель американского участия в мировых делах, характерную для последнего десятилетия XIX в., когда США действовали в соответствии с чётко сформулированным, но более ограниченным сводом национальных интересов, не пытаясь насаждать американские ценности. По мнению некоторых западных политологов, Д. Трамп является скорее продолжателем традиции, идущей от президента Э. Джексона (1829-1837 гг.), который опирался на популистские ценности и делал особый акцент на роли военной силы в реализации внешнеполитических интересов страны, но при этом не ставил целью переделать мир по образу и подобию США [12, pp. 370-373].

Прошедший период президентства Д. Трампа показал большой разрыв между теми эмоциональными оценками, что нередко находят своё отражение на его страничке в Twitter, особенно в откликах на злободневные международные события, и практическими шагами администрации. Не снижая давления на союзников в плане более сбалансированного распределения бремени оборонных расходов между США и Европой, администрация Д. Трампа подтвердила обязательства по взаимной обороне в рамках НАТО и продолжила выделять всё более значительные ресурсы на укрепление американского военного присутствия в восточноевропейском регионе. Жёсткая конфронтационная риторика главы Белого дома в отношении Пхеньяна, звучавшая в прошлом году, не помешала Д. Трампу резко сменить тактику и согласиться на встречу с лидером КНДР Ким Чен Ыном 12 июня 2018 г. в Сингапуре, а американской дипломатии – активизировать усилия в поисках подходов к решению северокорейской «ядерной проблемы» и преодолению кризисной ситуации в двусторонних отношениях.

Непоследовательность и противоречивость внешнеполитической линии Д. Трампа некоторые западные политологи (в частности, французский теоретик Ф. Эйсбур) склонны объяснять тем, что «США колеблются между поддержанием существующего статус-кво и обращением внутрь себя» [14, p. 222]. Действительно, политика США в международных делах при Д. Трампе в значительной мере подчинена решению внутренних задач, но это ещё не означает, что нынешняя администрация тяготеет к тому, что можно характеризовать как изоляционизм, хотя на первый взгляд некоторые решения президента и вызывают подобное восприятие. Не следует сбрасывать со счетов внутривнутриполитический фактор, который вносит значительные коррективы в планы президента, заставляя его менять первоначальные замыслы, – это напряжённые взаимоотношения между Белым домом и Конгрессом, острое противостояние между президентом и его политическими противниками. Принятые в последнее время законодательные акты существенно ограничили возможности администрации по целому ряду на-

⁵ J. Fabian. Trump: We spent \$6T in Middle East and didn't even get a 'tiny oil well'. February 9, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://thehill.com/homenews/administration/318681-trump-we-spent-6t-in-middle-east-and-didnt-even-get-a-tiny-oil-well> (дата обращения: 05.01.2018).

правлений международной деятельности. Как показывают события последнего времени, Конгресс намерен и дальше действовать в том же ключе, готовя новые ограничительные поправки для исполнительной власти по торгово-экономическим отношениям с Китаем (в частности, по китайской телекоммуникационной компании ZTE), по переговорам об изменении соглашения НАФТА и т.д.

Другой особенностью прошедшего периода президентства Д. Трампа является его неприятие либерально-глобалистской концепции миропорядка. Некоторые американские и российские политологи полагают, что Трамп отвергает не саму идею глобализации, а лишь нынешнюю версию её реализации, основанную на либеральных ценностях. Однако американский президент едва ли даёт основания усомниться в том, что он в принципе не примет глобализацию как таковую, открыто противопоставляя ей идею национального суверенитета. В своих важных выступлениях, в том числе в ходе инаугурации в январе 2017 г., а также в речи на сессии Генассамблеи ООН в сентябре того же года, Д. Трамп вполне определённо высказался за восстановление экономического суверенитета страны и призвал к этому другие государства. Он совершенно очевидно видит в глобализации угрозу размывания американского национального суверенитета. Его особенно беспокоит такая сторона этого явления, как происходивший в последние десятилетия активный перевод американскими компаниями производственных мощностей из США в Китай и другие государства АТР, создавшие привлекательные условия для иностранного бизнеса.

Ожесточённое сопротивление политического истеблишмента вызывает отказ нынешнего президента от прежнего курса США на продвижение либеральных ценностей в международных делах. Как отмечает упоминавшийся Б. Поусен, «Трамп отошёл от традиционной американской национальной стратегии в одном важном вопросе. Как минимум с окончания холодной войны администрации демократов, равно как и республиканцев, осуществляли стратегию, которую политологи называли “либеральной гегемонией”. ...Порывая со своими предшественниками, Трамп изъясил много “либерального” из “либеральной гегемонии”. Он продолжает стремиться к тому, чтобы сохранить за Соединёнными Штатами превосходство в экономическом и военном потенциале, а также роль арбитра в вопросах безопасности большинства регионов мира, но предпочёл отказаться от экспорта демократии и воздержаться от участия во многих многосторонних торговых соглашениях. Иными словами, Трамп возвестил о наступлении совершенно новой национальной стратегии – нелиберальной гегемонии» [19, p. 21].

Отличительной чертой президентства Д. Трампа является *политизированный подход к торгово-экономическим отношениям США с внешним миром*. Экономические вопросы занимают гораздо больше места во внешней политике нынешнего президента, чем у его предшественников. В данном аспекте политики 45-му президенту удаётся проводить в жизнь свои предвыборные лозунги – и вообще, соответствовать своим философско-доктринальным подходам – в большей степени, чем в военно-политических вопросах, где национальный эго-

изм непосредственно сталкивается с претензиями на сохранение мирового лидерства и необходимостью удержания союзников и партнёров в орбите США. Д. Трамп – не первый американский президент, который пытается сократить внешнеторговый дефицит страны с помощью протекционистских шагов. К подобным мерам не раз прибегали его предшественники, но они это делали выборочно и достаточно осторожно, не переводя этот процесс в плоскость политических взаимоотношений. Нынешний президент идёт гораздо дальше, противопоставляя свою политику принципам свободной торговли, демонстрируя открытое пренебрежение к ВТО и принимая беспрецедентные меры давления на страны, у которых наибольший профицит в торговле с США. Это относится в первую очередь к Китаю, но также к ЕС в целом, и Германии, в частности. По мнению Трампа, международные структуры, такие как региональные торговые пакты и ВТО, мешают Вашингтону заключать более выгодные соглашения с торговыми партнёрами на двусторонней основе.

Под угрозой после прихода Д. Трампа в Белый дом оказалась зона свободной торговли с Канадой и Мексикой (НАФТА), поскольку, по мнению его администрации, данный режим позволяет этим двум соседям США сохранять большой дефицит в торговле с Вашингтоном. Правда, своё предвыборное обещание о выходе из НАФТА Трамп сразу выполнять не стал, согласившись на переговоры о реформировании этого соглашения. Однако угрозу выхода из него Вашингтон сохраняет в качестве рычага давления на Оттаву и Мехико в процессе переговоров.

«Экономическую дипломатию» администрации Д. Трампа обосновал государственный секретарь М. Помпео в своём выступлении в Детройтском экономическом клубе 18 июня 2018 г. Показательно, что для этого была выбрана именно бывшая автомобильная столица Америки, пережившая упадок в результате деиндустриализации, ведь именно к населению подобных депрессивных городов и регионов апеллирует нынешний президент, обосновывая экономический национализм и протекционизм. Повторяя то, что уже неоднократно говорил Трамп, Помпео утверждал, что Америка слишком долго позволяла искажать принципы и институты свободной торговли в угоду другим странам. Эта постановка вопроса касается отнюдь не только Китая: по словам госсекретаря, асимметричные торговые отношения со странами «большой семерки» также должны быть фундаментальным образом пересмотрены. С одной стороны, провозгласил Помпео, «если Правительство Соединённых Штатов не будет участвовать в строительстве здорового мирового экономического порядка, мы будем проигрывать таким странам, как Китай». С другой стороны, участвуя в этом процессе, никогда нельзя терять экономический суверенитет. «Опыт брекзита, который еще далёк от своего завершения, а также Европейского союза, показывают, насколько трудно восстановить экономический суверенитет, если от него когда-то отказались. Также на этих примерах мы видим, что экономическая политика, ведущая к централизации власти, ослабляет силу

свободного рынка в деле роста благосостояния людей, не способствует ни благополучию потребителей, ни успехам бизнеса»⁶.

Американские политологи полагают, что внешнеторговая политика администрации Д. Трампа, преследующая откровенно эгоистические цели, плохо увязана со стратегией национальной безопасности, так как она отталкивает союзников от США вместо того, чтобы способствовать укреплению альянсов перед лицом «растущей угрозы» в лице России и Китая. Отказ нынешнего президента от договорённостей по Транстихоокеанскому партнёрству привёл к тому, что оставшиеся участники, удалив из ТТП некоторые пункты, на принятии которых настояла предыдущая американская администрация, перекроили его на свой лад, а не поспешили начать с США переговоры по заключению двусторонних соглашений о свободной торговле, как того ожидал Д. Трамп. Подобное развитие ситуации явилось неожиданностью для Вашингтона, и в Капитолии поднялись голоса в пользу возвращения американской делегации за стол переговоров, ведь ТТП рассматривалось инициаторами этого проекта как важный инструмент сдерживания геоэкономической экспансии Китая. В результате администрация уже не исключает рассмотрения вопроса о присоединении к ТТП на определённых условиях. Однако остальные 11 стран, подписавшие весной 2018 г. Транстихоокеанский торговый пакт, могут и не принять американское предложение по новой перedelке соглашения.

На китайском же направлении Д. Трампу приходится маневрировать наиболее активно. С одной стороны, он стремится исправить ненормальную ситуацию, при которой торговый дисбаланс между двумя странами постоянно растёт и составил в 2017 г. 375 млрд долл. в пользу КНР; с другой стороны, Вашингтон осознаёт, что, даже если он сумеет заставить Пекин сократить этот дисбаланс и пойти на ряд мер в других чувствительных для США областях (в частности, по проблеме защиты прав интеллектуальной собственности), в стратегическом плане он неспособен воспрепятствовать превращению Китая в один из главных структурных элементов современного миропорядка. Готовность администрации Д. Трампа продолжать стратегический диалог с Китаем постоянно вступает в противоречие с жёстким конфронтационным подходом, продемонстрированным как в доктринальных документах (в первую очередь, в новой «Стратегии национальной безопасности»), так и в практической политике по сдерживанию китайской мощи, в том числе путём активизации политических контактов Вашингтона с властями Тайваня. В политике США по отношению к Китаю, как отмечают российские исследователи Е.В. Савкович и И.А. Черепанова (Томский государственный университет), можно констатировать превалирование краткосрочных интересов над долгосрочными. «Действующие соглашения ... являются разовыми акциями и призваны, прежде всего, урегулировать непосредственные

⁶ Remarks. Mike Pompeo, Secretary of State. Detroit Economic Club. Detroit, Michigan, June 18, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/06/283305.htm> (дата обращения: 24.06.2018).

конфликтные ситуации в сфере торговли. Долгосрочная политика ставится в данном случае под сомнение» [6, с. 55-56].

Важную роль в стратегии Д. Трампа играют планы агрессивного продвижения на мировой рынок американского углеводородного сырья. Здесь преследуются одновременно политические и экономические цели – ослабление зависимости союзников в Европе и Азии от поставок российских энергоресурсов, снижение торгового дефицита США и увеличение занятости в нефтегазовой отрасли американской экономики. Предыдущие президенты ставили задачу преодоления зависимости страны от импорта энергоносителей, прежде всего с Ближнего Востока, но только нынешняя администрация сформулировала в качестве стратегической задачи энергетическую экспансию США, расширение американской доли на мировом рынке углеводородов, в том числе в его европейском сегменте.

Возобладание конфронтационного подхода – реакция США на размывание «американской однополярности»

Современная политическая элита США исходит из того, что наиболее серьёзная, «системная» угроза американским интересам формируется в Евразии, где укрепляются Россия и Китай, которые бросают вызов международной системе, основанной на американском доминировании. В «Стратегии национальной безопасности США», принятой администрацией Д. Трампа в декабре 2017 г., РФ и КНР отнесены к высшей категории угроз, где они обозначены как «ревизионистские державы», которые «бросают вызов американской силе, влиянию и интересам, пытаясь разрушить безопасность и процветание США»⁷. Постулаты традиционной американской стратегии нацеливают администрацию на использование всех инструментов, включая оборонные пакты и торговые альянсы, чтобы противодействовать тенденции к разрушению американоцентричной конфигурации мироустройства. Эти положения нашли отражение в упомянутом документе. Тезис «Америка прежде всего» фигурирует в нём в качестве основополагающего и, на первый взгляд, не очень стыкуется с обещанием сотрудничества с многосторонними структурами, которое там же присутствует, пусть во многом как дань традиционным представлениям.

Несмотря на сложившийся двухпартийный консенсус в отношении стратегического вызова, который американский истеблишмент видит в укреплении России и Китая, необходимо различать более дифференцированный подход тех или иных группировок американской правящей элиты в этом вопросе. Эти нюансы просматриваются и в окружении Д. Трампа, где одни полагают, что главную угрозу для национальной безопасности представляет Россия как вторая по военному потенциалу держава в мире, способная нанести наибольший физический ущерб США, поэтому основные силы нужно направить на противоборство с

⁷ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).

ней, на помощь противостоящим ей союзникам и на укрепление американского военного присутствия в Европе; другие считают, что Китай является более опасным соперником для США, так как из конкурентов-противников только он способен решающим образом влиять на мировой порядок, и, следовательно, больше ресурсов нужно выделять на противодействие его политике.

США и их союзники в Европе и АТР являются главными выгодополучателями в рамках миропорядка, который поддерживается международными финансовыми структурами и военно-политическими альянсами с американским участием, созданными после Второй мировой войны. Предыдущие администрации и Конгресс рассматривали в этом же ряду и универсальные организации – ООН и ВТО, видели в этих институтах, несмотря на все их изъяны, пользу для национальных интересов США. Они неоднократно призывали к реформе этих структур, но не ставили под сомнение необходимость их существования. Вашингтону неоднократно удавалось проводить через них решения, которые позволяли ему продвигать свою позицию в ситуациях, когда он особенно нуждался в международной поддержке, будь то вопросы ядерного нераспространения, борьба с международным терроризмом или доступ на рынки других государств.

Вместе с тем у республиканцев после окончания холодной войны сформировалось более сложное отношение к многосторонним структурам регулирования миропорядка. Во многих случаях они склонны рассматривать их как ограничители «американской однополярности»⁸, как обузу, которая сковывает свободу действий США в международных делах. В президентство Дж. Буша-мл. это особенно ярко проявилось в американской политике. При Б. Обаме ценности многосторонней дипломатии были реабилитированы в американском подходе, хотя и в этот период Соединённые Штаты оставляли за собой право самостоятельно принимать решения по вопросу применения военной силы.

Победа Д. Трампа на президентских выборах 2016 г. привела к тому, что правоконсервативная традиция в отношении международных институтов и соглашений вновь стала доминирующей во внешней политике США. *Более того, он стал первым американским президентом, который открыто поставил под сомнение соответствие некоторых базовых правил и институтов послевоенного миропорядка сегодняшним интересам Соединённых Штатов.* Д. Трамп отвергает концепцию глобализации мира, основанную на либеральных ценностях и нормах, открыто оперирует категориями баланса сил, и не скрывает, что этот баланс должен быть в пользу США. Многократное упоминание тезиса «Америка прежде всего» в нынешней «Стратегии национальной безопасности» смещает трактовку американских интересов в сторону более эгоистического их прочтения, но без изменения их основного содержания. Достаточно напомнить, что вопрос о

⁸ Идею «американской однополярности» впервые сформулировал политобозреватель Ч. Краутхаммер в своей статье «The Unipolar Moment», опубликованной в журнале "Foreign Affairs" в 1990 году. – Charles Krauthammer. *Foreign Affairs*, 1990/91, vol. 70, no. 1, pp. 23-33 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/20044692> (дата обращения: 08.03.2018).

возвращении производств ведущих американских компаний из Китая в США ставил ещё предыдущий президент Б. Обама, однако это не мешало ему ратовать за глобалистско-либеральный миропорядок, и в этом он не видел никакого противоречия.

Если в отношении «ревизионистских держав» конфронтационный подход едва ли можно считать новаторством администрации Д. Трампа, то уровень конфликтности в её отношениях со многими союзниками и партнерами приобрёл беспрецедентный масштаб. Глубинный характер этих противоречий определяется тем, что за ними стоит несовместимость ценностей, которых придерживаются нынешняя американская администрация, с одной стороны, и либеральная Европа с Канадой, с другой. Неприкрытый скептицизм Белого дома в отношении того, что многосторонние структуры поддержания миропорядка соответствуют национальным интересам, его откровенно эгоистическое поведение в международных делах подрывают доверие союзников и партнёров к политике США, заставляют их усомниться в американском лидерстве и переосмысливать в целом свои отношения с Вашингтоном. Ничего подобного никогда прежде не было, хотя трансатлантические отношения пережили не одну кризисную ситуацию. Западные державы привыкли видеть в Соединённых Штатах главную опору современного миропорядка, и для них стало шоком, что администрация Д. Трампа пересматривает базовые правила его функционирования либо трактует их весьма произвольно, создавая впечатление, что мир скатывается к хаосу и анархии, где сила, а не международные нормы и институты, определяет право. Однако этот конфликт ценностей и интересов двух берегов Атлантики имеет свои чётко обозначенные пределы – обмениваясь взаимными претензиями, США и Европа избегают касаться некоторых фундаментальных проблем своих взаимоотношений, к числу которых относятся американские военные (ядерные) гарантии безопасности.

Глобальные процессы в международных отношениях и их отражение в американской политике

Происходящая трансформация мировой системы представляет собой многогранный процесс с неопределённым будущим. В её основе лежит изменение глобального баланса сил. Теоретики различных политологических школ пытаются осмыслить это явление с различных ракурсов и, опираясь на свой инструментарий, выявить закономерности, которые лежат в его основе. Все они сходятся в том, что основные тенденции ведут к усложнению системы международных отношений и ускоряют темпы изменений в ней по целому ряду параметров. Множатся угрозы и вызовы. Мировая экономика всё более подвержена влиянию факторов геополитического соперничества, которые оказывают возрастающее влияние на её состояние, вмешиваясь в механизмы действия рыночных сил. Глобальные и национальные рынки испытывают на себе усиливающееся воз-

действие внешнеполитической борьбы государств, что искажает их естественное, нормальное функционирование. События последних лет свидетельствуют о кризисе глобалистских ценностей в мире, и результаты выборов, прошедших в США и ряде государств Европы, являются отражением этого процесса. Триумф либерального миропорядка оказался иллюзорным – происходит возвращение к силовой геополитике, которая в последних американских доктринальных документах обозначена как «соперничество великих держав».

Так, в официальной краткой версии «Стратегии национальной обороны 2018», обнародованной в январе нынешнего года, «главным вызовом для процветания и безопасности США» названо «возрождение долгосрочного стратегического соперничества» с Россией и Китаем⁹. В этом документе, так же, как и в Стратегии национальной безопасности, они обозначены как «ревизионистские державы», которые стремятся сформировать мир в соответствии со своей авторитарной моделью, пытаясь завоевать для себя возможность накладывать вето на те решения в сферах экономики, дипломатии и безопасности, которые принимают другие страны. Если китайский вызов охарактеризован в документе как желание с помощью военных и экономических рычагов перестроить Индо-Тихоокеанский регион в свою пользу, то Россия обвиняется в стремлении разрушить НАТО и изменить в свою пользу европейские и ближневосточные военно-политические и экономические структуры. Отмечено, что особый вызов в действиях России представляет её стремление использовать современные технологии для «дискредитации и подрыва демократических процессов в Грузии, Крыму и Восточной Украине» вкупе с наращиванием и модернизацией своего ядерного арсенала. Примечательно в новой оборонной стратегии США то, что «ревизионистские державы» (Китай и Россия) и обозначенные вслед за ними «режимы-изгои» (Северная Корея и Иран) в числе вызовов, с которыми предстоит столкнуться Вашингтону, идут впереди негосударственных субъектов, таких как террористы, транснациональные криминальные организации, хакеры и другие акторы подобного рода. Это является дополнительным свидетельством государственно-центристского подхода администрации Д. Трампа к функционированию мировой системы и месту США в этой системе.

Мир переживает подъём новых центров силы и влияния, он вступил в эпоху «формирующейся многополярности». Анализируя становление новой модели международных отношений, французский политолог Ф. Эйсбур приходит к выводу, что приближается наступление «новой эпохи, которая за неимением лучшего названия, может быть охарактеризована как эпоха 'биполярного беспорядка', когда биполярность, предстающая в форме американо-китайского соперничества, будет бок о бок соседствовать с беспорядком, в том смысле, что эта система будет и нестабильной, и окончательно несформировавшейся в отличие

⁹ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America: *Sharpening the American Military's Competitive Edge*. U.S. Department of Defense. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 12.06.2018).

от её предшественницы времён холодной войны» [14, р. 217]. Сомневаясь в возможности становления многополярной конфигурации международных отношений, он допускает присутствие отдельных её элементов в новой «биполярной неупорядоченной системе» [14, р. 218]. Отличительными чертами новой системы, по его мнению, являются американо-китайская стратегическая полярность и «деривативная» нестабильность. Трудно не согласиться с тем, что биполярность сама по себе не генерирует стабильность.

США не могут не признавать, что геополитическое влияние Китая распространяется всё дальше за пределы Азиатско-Тихоокеанского бассейна и приобретает глобальное измерение, затрагивая такие удалённые от него регионы, как Африка и Латинская Америка. КНР стала восприниматься многими в международном сообществе в качестве альтернативы американскому лидерству по ряду важнейших вопросов мирового развития – сохранение свободного режима мировой торговли, борьба с потеплением климата и т.д. Китайский лидер Си Цзиньпин на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2017 г. впервые недвусмысленно дал понять, что его страна способна взять на себя эту роль. Однако неамериканская часть Запада не готова принять в этом качестве страну, которая не отвечает её либеральным представлениям о демократии, не говоря уже о США, воспринимающих Китай как одного из главных своих соперников.

Усиливающееся соперничество между США (Западом) и их ключевыми оппонентами в международном сообществе ведёт к фрагментации мирового порядка, усилению роли региональных объединений. Соединённые Штаты уже не в состоянии сдерживать неблагоприятные для себя изменения в мире в силу объективно меняющегося глобального соотношения сил и усиливающихся сбоев в функционировании собственной политической системы. Обострившееся противостояние в высших эшелонах власти снижает адаптационные возможности американского государства в реагировании на внешние перемены. США не отказываются от претензий на мировое лидерство, но администрация Д. Трампа чётко обозначила намерение уменьшить бремя американской вовлечённости в вопросы глобального управления и в разрешение мировых проблем, которые не затрагивают фундаментальные американские интересы. Знаковым индикатором здесь стало резкое сокращение расходов на Госдепартамент, предложенное Белым домом, хотя, конечно, участие США в мировых делах осуществляется также по линии других федеральных структур. В первый год президентства Д. Трампа в Госдепе произошли массовые сокращения. Внесённый президентом в феврале 2018 г. на рассмотрение Конгресса проект бюджета внешнеполитического ведомства запланирован в 39,3 млрд долл., он предусматривает снижение на 40% расходов на деятельность «по продвижению демократии» и на 44% – американского взноса на финансирование миротворческих операций ООН.

Вместе с тем США пытаются адаптироваться к происходящим структурным изменениям в системе международных отношений. Это процесс протекает в различных формах. **Во-первых**, происходит наращивание военного потенциала,

включая продолжение модернизации ядерных сил, начатое предыдущей администрацией, и их расширение. Планы Д. Трампа предусматривают выделение на эти цели 1,2 трлн долл., и по масштабам их можно поставить в один ряд с программой «переворужения Америки», которая осуществлялась в президентство Р. Рейгана. Они включают в себя, в частности, программу создания нового типа крылатой ракеты морского базирования с ядерной боеголовкой, чтобы обойти ограничения Договора о РСМД. Провозглашённая нынешней администрацией политика в ядерной сфере заметно отличается от той, что США официально придерживались в президентство Б. Обамы. Если прежде важное место в ней занимали вопросы контроля над вооружениями и декларации об уменьшении роли ядерного оружия в американской стратегии национальной безопасности, то сейчас первостепенное значение придаётся соперничеству с Россией и Китаем в ядерной сфере военного противостояния. В документе по ядерной стратегии 2018 г. (Nuclear Posture Review 2018) эти две страны обвиняются в попытках изменить миропорядок, сложившийся после окончания холодной войны.

Упомянутый обзорный документ раздвигает рамки понятия «чрезвычайная ситуация», когда может быть применено американское ядерное оружие (хотя они намеренно не конкретизируются), как и расширяет спектр угроз, для нейтрализации которых может потребоваться его использование. Определяющим критерием здесь, видимо, должен служить масштаб ущерба, понесённого США от нападения. Это дало основание некоторым аналитикам предположить, что если к разрушительным последствиям для США приведут кибер-атаки, то в качестве ответа Вашингтон может рассмотреть возможность нанесения ограниченного ядерного удара. В упомянутом документе подобный сценарий прямо не прописан, но в нём больший акцент делается на разработку зарядов малой и сверхмалой мощности, которые как раз и подходят для его реализации. По сравнению с аналогичным документом 2010 г. вопросу о контроле над ядерными вооружениями придаётся гораздо меньшее значение, хотя необходимость мер на этом направлении не отрицается, как и возможность пролонгации российско-американского соглашения СНВ-3 до 2026 г. В то же время планы Белого дома содержат значительные элементы преемственности с политикой предыдущих администраций, включая модернизацию американского ядерного оружия в Европе, начатую при Б. Обаме, и продолжение практики совместного ядерного планирования с союзниками в рамках НАТО.

Во-вторых, это активное противодействие укреплению «ревизионистских держав» – России и Китая – с помощью широкого набора мер: поддержание и расширение альянсов с американским участием с целью геополитического сдерживания этих государств; оказание политического и экономического давления посредством ограничений и санкций; провоцирование внутренней дестабилизации и т.д. В «Стратегии национальной безопасности США» администрация Д. Трампа открыто провозгласила, что рассматривает растущую технологическую мощь Китая как одну из главных угроз, и обозначила своё намерение резко

ограничить китайские инвестиции в американский высокотехнологичный сектор. Она предупредила американские IT-компании, чтобы те начали сворачивать свои связи с китайскими партнёрами, работающими в сфере критических технологий. Белый дом рассматривает возможность использования законодательства о полномочиях в особых ситуациях, чтобы запретить американским компаниям, которые занимаются разработкой искусственного интеллекта, вступать в партнёрство с китайскими компаниями. В Конгресс внесён законопроект, предусматривающий штрафные санкции для американских фирм, которые будут замечены в передаче Китаю прав интеллектуальной собственности и технологий в чувствительных сферах.

Новые революционные технологии будут оказывать возрастающее влияние на международную политику, особенно в сфере безопасности. Западные политологи ожидают, что конкуренция за лидерство в области революционных технологий лишь укрепит статус США и Китая как сверхдержав. По мнению Ф. Эйсбура, наступление эпохи искусственного интеллекта (ИСИН) повлечёт перераспределение финансовых потоков в мире и трансформацию геополитических альянсов [14, p. 215], а Европа, в широком смысле, сейчас не может рассматриваться как конкурент в борьбе за лидерство в создании искусственного интеллекта. Китай поставил целью стать мировым лидером в этой области к 2030 г., и в последние годы заметно сократил отставание от США. Многие западные аналитики полагают, что создание ИСИН может иметь более серьёзные последствия для человечества, чем изобретение огня или электричества.

Уже сейчас разработка военных технологий качественно нового уровня ведёт к размыванию режимов ряда соглашений по контролю над вооружениями и формированию предпосылок для новой гонки вооружений. Неизвестно, как повлияет на ядерное сдерживание и традиционные механизмы поддержания стратегической стабильности создание систем вооружений, обладающих искусственным интеллектом. Однако уже сейчас разработка в США ударных беспилотников нового поколения ставит вопрос о будущем российско-американского Договора о РСМД 1987 г. Со своей стороны, США обвиняют российскую сторону в нарушении этого соглашения, о чём прямо говорится в документе по ядерной стратегии 2018 г. (Nuclear Posture Review 2018). Некоторые западные эксперты предсказывают прекращение действия данного договора. Они находят подтверждение своим предположениям, в частности, в том, что НАТО уже рассматривает различные возможные меры на случай его денонсации. По мнению директора программы по европейской безопасности СИПРИ И. Энтони, если эти договорные ограничения отпадут, европейские союзники могли бы самостоятельно или совместно с США рассмотреть вопрос о создании баллистических ракет средней дальности для размещения на своей территории [10, p. 70].

Следует заметить, что процесс американского военного планирования, в том числе в разработке вооружений, имеет собственную логику и не подчинён избирательным циклам. Еще в 2014 г. тогдашний министр обороны Ч. Хейгел

объявил о начале разработки «стратегии компенсации» («Offset Strategy»), третьей по счёту в послевоенной истории США. Эта стратегия официально была сформулирована в виде «Оборонной инновационной инициативы». Она призвана гарантировать военно-техническое превосходство США в XXI в. Стратегия предусматривает создание и развёртывание нового поколения военной техники и вооружений – включая кибернетические ударные и разведывательные системы, автономные робототехнические комплексы, такие как воздушные и подводные дроны, – которое способно обнулить преимущества противника в военно-технической сфере и нейтрализовать сильные стороны его систем вооружений. По подсчётам западных экспертов, расходы федерального бюджета США на инновационные технологии в сфере обороны и безопасности выросли в 2015-2017 гг. на 43% в постоянных ценах [18, p. 69]. Упомянутая стратегия нацелена на совершение *революционного* прорыва в создании новых видов вооружений, даже если на это потребуются десятилетие или более длительный срок.

Говоря о глобальных процессах в сфере международной безопасности и американской стратегии, нельзя обойти стороной проблему терроризма. Несмотря на военное поражение «Исламского государства» в Сирии и Ираке, международный терроризм остаётся в числе главных угроз, которые оказывают влияние на международные отношения. Он подпитывается продолжающейся радикализацией религиозных настроений, попытками различных сил использовать в своих целях идеи «политического ислама». С одной стороны, развитие коммуникаций и технологий создаёт новые возможности для распространения террористической угрозы, а с другой, – властям различных государств часто выгодно придавать ей расширительное толкование для решения своих внешне- и внутриполитических задач. В этой ситуации неудивительно, что уже многие годы не удаётся согласовать международно признанное определение терроризма.

В американских документах по национальной безопасности международный терроризм определяется как одна из самых опасных разновидностей транснациональных сетевых угроз. В президентство Д. Трампа США заметно активизировали военные действия против «Исламского государства». Вместе с тем они по-прежнему используют борьбу с террористическими группировками в корыстных целях для решения своих геополитических задач, в том числе для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке и в АТР, для вмешательства во внутренние дела отдельных государств. Вопрос о противодействии террористической угрозе используется нынешней администрацией для продвижения в стране своей повестки дня по ужесточению борьбы с нелегальной миграцией. Однако предлагаемые ею меры в этой сфере нередко столь радикальны, ущемляя права отдельных категорий беженцев и мигрантов, что американским судебным инстанциям своими решениями приходится корректировать директивы Белого дома для восстановления законности.

Американская внешняя политика в прошедший период президентства Д. Трампа предоставила новые подтверждения тому, что для США геополити-

ческие императивы важнее либеральных или иных идеологических принципов и норм. 45-й президент внёс больше нового скорее в тактику реализации американских целей в международных делах, нежели в стратегию США, которая в своих ключевых постулатах остаётся неизменной после Второй мировой войны независимо от того, какая администрация находится у власти. Внешняя политика Д. Трампа носит явно менее идеологизированный характер, в ней на первом месте стоят геополитические цели и национальные экономические интересы. Нынешняя администрация продолжила линию своих предшественников на стратегическое соперничество с Россией и Китаем, подтвердила американские обязательства по оборонным пактам и неформальным военным союзам, активизировала усилия против асимметричных сетевых угроз на Ближнем Востоке.

По мнению ряда политологов, адептов идеи «либеральной гегемонии», отказ Д. Трампа в поддержке концепции либерального миропорядка, означает, что его стратегия сохранения американского превосходства оказывается лишённой цели, превращаясь в «вещь в себе». В «Стратегии национальной безопасности США», обнародованной в декабре 2017 г., действительно ничего не говорится о приверженности либеральным ценностям и нормам. Объяснение неприятия Д. Трампом догм либеральной глобализации видимо кроется в нескольких причинах. Во-первых, это уменьшение влияния Вашингтона в многосторонних институтах, регулирующих различные сферы миропорядка, по сравнению с пиком «американской однополярности». Во-вторых, не оправдалась ставка американской элиты на привлекательность «либеральной» гегемонии США для других государств (хотя эта гегемония нередко прикрывается словами об американском лидерстве), а ведь предполагавшаяся притягательная сила этого проекта рассматривалась как ключ к легализации американоцентричного миропорядка. Начатая еще администрацией Дж. Буша-мл. стратегия «демократической трансформации Большого Ближнего Востока» оказалась отторгнутой жизнью, огромные ресурсы, вложенные в неё, не принесли ожидаемых результатов. Однако не только страны ближневосточного региона не приблизились к канонам либеральной демократии, но и в ряде государств Европы, входящих в НАТО и ЕС, стали развиваться обратные тенденции – растут популистские настроения, разгорается политическая борьба вокруг вопроса о соотношении национального суверенитета и международных обязательств (в Великобритании она привела к брекзиту), де-факто ставятся под сомнение некоторые догмы либерально-глобалистской концепции (Венгрия, Польша, Турция).

Стратегия Трампа носит эклектичный характер, совмещая в себе традиционные базовые установки, которых придерживаются США в послевоенный период, с новыми элементами в подходе к международным делам, отражающими интересы той части американского общества и политического класса, которая оказалась ущемлённой в результате возобладания на Западе либерально-глобалистской концепции развития. Такая эклектичность усиливается благодаря транзакционалистскому подходу Трампа к внешней политике, когда политика в

значительной степени начинает строиться по тем же законам, по которым разрабатываются и реализуются сделки в бизнесе. Эта философия, определяемая как «искусство заключать сделки», усвоенная 45-м президентом за годы работы в бизнесе и диктуемая, прежде всего, стремлением к извлечению конкретной материальной выгоды, если и не отменяет полностью идейно-ценностный и проектный подход к выстраиванию приоритетов, целеполаганию и поиску путей и средств для реализации той или иной внешнеполитической задачи, то серьёзно принижает его значение. В этом смысле, как подчёркивал американский политический аналитик Л. Хадар вскоре после президентских выборов 2016 г., внешнеполитическая повестка дня Д. Трампа с её «транзакционной дипломатией» принципиально отличается от «трансформационной дипломатии» Дж. Буша-мл., и Америке придётся забыть о таких задачах, как продвижение свободы по всему миру и помощь в строительстве национальных государств¹⁰.

Вместе с тем за прошедший период президентства взгляды Д. Трампа на некоторые важные проблемы международных отношений эволюционировали в направлении устоявшихся представлений политического истеблишмента страны. Действия Трампа после его прихода в Белый дом демонстрируют, что механизм формирования внешней политики США имеет достаточно сдерживающих рычагов, чтобы если не свести на нет, то серьёзно ослабить любые «антисистемные» претензии тех политических лидеров, которые заявляют о намерении пересмотреть основы американского позиционирования и американского лидерства в мировом порядке. Пожалуй, лишь в инаугурационной речи Д. Трампа и некоторых других выступлениях, которые носят больше декларативно-пропагандистский смысл, эта «антисистемность» выражена более или менее последовательно. В тех же выступлениях президента и ведущих фигур из его окружения – помощника по национальной безопасности, государственного секретаря, министров обороны, финансов, торговли и т.д. – которые посвящены конкретным аспектам политики США на мировой арене, любые претензии на изоляционизм приходится маскировать. Трамп и его окружение вынуждены признавать, что действия внутри международной системы в любом случае не дадут нынешней вашингтонской администрации полностью реализовать свои унилатералистские и протекционистские подходы, если не прибегать к компромиссам с партнёрами. Лозунг «Америка прежде всего» вряд ли сможет превратиться в лозунг «Америка в одиночку».

В этом смысле следует согласиться с президентом Совета по международным отношениям Р. Хаасом, который в послесловии ко второму изданию своей книги «Мировая неразбериха: американская внешняя политика и кризис старого порядка», вышедшему в начале 2018 г., призвал различать действительно имеющий место отказ администрации Д. Трампа от лидерских позиций в формиро-

¹⁰ Hadar L. The Limits of Trump's Transactional Foreign Policy // The National Interest, 2017, January 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-limits-trumps-transactional-foreign-policy-18898> (дата обращения: 17.06.2018).

вании многосторонних институтов мирового порядка и изоляционизм. То, что США под руководством Трампа не являются изоляционистским государством, доказывается, по мнению Хааса, такими фактами, как использование в ограниченном масштабе военной силы в Сирии (к чему не решился прибегнуть предшественник нынешнего президента), угрозы применения силы и новых международных санкций против Ирана и Северной Кореи, использование тарифных и санкционных механизмов против тех или иных торговых партнёров, попытки (правда, малорезультативные) выступать посредником в различных конфликтах на Ближнем Востоке, расширение военной активности Вашингтона в Афганистане [13, р. 313-314].

Анализируя шаги 45-го президента, американский политолог Э. Абрамс делает вывод, что «в сфере внешней политики администрация Трампа всё больше и больше напоминает обычную республиканскую администрацию» [9, р. 13]. Однако далеко не все в американском политическом и экспертном сообществе готовы разделить подобную оценку. Действительно, Д. Трамп отказался от многих догм либерального интернационализма, однако это не сделало его политику безопасности менее гегемонистской, чем у предшественников. Несмотря на резкую критику Б. Обамы за провалы американской внешней политики, нынешний президент так и не смог предложить какую-то иную основу для стратегии США, отличную от гегемонизма.

Хотя это может являться дискуссионным вопросом, но решения Д. Трампа по некоторым многосторонним политическим, торгово-экономическим и экологическим соглашениям отстоят всё-таки достаточно далеко от того подхода, которого США придерживались многие десятилетия. Притягательность примера Соединённых Штатов для других государств традиционно относилась политической элитой этой страны к преимуществам американской внешней политики, и данному вопросу большое внимание уделяла предыдущая администрация. Однако некоторые шаги нынешнего президента в сфере международных отношений, как и внешнеполитический стиль Д. Трампа в целом, свидетельствуют о его скептическом, если не сказать пренебрежительном отношении к тому, что политологи называют «мягкой силой». Принятие администрацией новых драконовских мер по борьбе с нелегальной миграцией, поразивших мир своей антигуманностью, как и объявленный в июне 2018 г. выход США из Совета ООН по правам человека – свежее тому подтверждение. Д. Трамп, как было сказано выше, неоднократно в своих выступлениях угрожал врагам Америки (КНДР и Ирану) применением военной силы, несмотря на то, что Устав ООН призывает государства воздерживаться от подобных угроз.

Россия и США (Запад) исходят из совершенно разной интерпретации недавнего прошлого. Они видят противоположные истоки и причины возникновения нынешней кризисной ситуации в двусторонних отношениях. Определяя в лице РФ и Китая стратегическую угрозу для США, американская политическая элита пытается создать общую платформу для своей консолидации и преодоления рас-

пада двухпартийного консенсуса по ряду принципиальных вопросов, который существовал в стране в послевоенные десятилетия. Резкая идейно-политическая поляризация в США – раскол общества на сторонников президента и его противников, достигший небывалого уровня взаимной нетерпимости, обострение борьбы между республиканцами и демократами, предлагающими разную повестку дня для страны, – подрывает американские претензии на роль мирового лидера. Всё больше вымывается прослойка политиков умеренных взглядов, которая традиционно служила основой для формирования политического консенсуса, и это отражается на расстановке сил в Конгрессе, где ещё резче обозначаются противостоящие фланги – либерально-демократический и консервативно-республиканский. А это делает линию внешнеполитического поведения США ещё более переменчивой и зависимой от партийных пристрастий.

В силу описанных выше тенденций и факторов, приход администрации Д. Трампа и предпринимаемые ею шаги привели к появлению новых вызовов военно-политического характера для России, к усилению давления США на нашу страну, к тому, что санкционное воздействие на неё вышло на качественно новый уровень. Издержки от российско-американской конфронтации для РФ, и особенно её экономики, растут. Российскому политическому классу далеко не сразу удалось изжить иллюзии, что неприятие Трампом либерально-глобалистской парадигмы, его государствоцентристский подход к международным делам, созвучный тем идеям, которые доминируют сегодня в России, якобы естественным путём должны открыть новые шансы для взаимодействия с США и помочь преодолеть кризис во взаимных отношениях. Вместе с тем усилившаяся при администрации Д. Трампа двойственность в подходе к России – ведь причисление её к «ревизионистским державам» означает в то же время признание её растущих возможностей в деле реформирования мирового порядка, в урегулировании кризисных ситуаций в различных регионах мира – это и повод для поиска новых альтернатив конфронтационному развитию отношений, новых сфер, где взаимная выгода от сотрудничества ощущалась бы обеими сторонами.

Список литературы:

1. Антонович И.И. Геополитическая стратегия Дональда Трампа: от панглобализма к националглобализму // *Пространство и время*. 2017. №1 (27). С. 34-44.
2. Арбагов А.Г., Арбатова Н.К. Фактор Трампа в российско-американских отношениях // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 3. С. 160 –178.
3. Гарбузов В.Н. Трамп: заблокированное президентство // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. №11 (575). С. 5-28.
4. Клепацкий Л.Н. Деглобализация мировой системы // *Международная жизнь*. 2015. № 8. С. 25-45.
5. Ларионова М., Сахаров А., Шелепов А., Рахмангулов М. Внешняя политика Трампа и многосторонние институты коллективного управления // *Экономическое развитие России*. 2017. Т.24, №4. С.31-41.
6. Савкович Е.В., Черепанова И.А. Развитие системы «стратегического и экономического диалога» КНР и США: задачи для администрации Д. Трампа // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. № 52. С. 53-57.
7. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управ-

- ление и мировой порядок в XXI веке. Пер. с англ. О.Э. Колесникова, Н.Г. Кротовской, В.С. Кулагинной-Ярцевой, Е.Г. Рудневой, М.А. Султановой, Е.Н. Феединой, Н.А. Цыркун под общей редакцией О.Э. Колесникова. М.: АСТ, 2006, 220 с.
8. Яковлев П.П. «Фактор Трампа» и меняющийся облик глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Том 61, № 7. С. 5-14.
 9. Abrams E. Trump the Traditionalist // *Foreign Affairs*. July-August 2017. Vol. 96, № 4. Pp. 10-16.
 10. Anthony I. European Security after the INF Treaty // *Survival*. December 2017-January 2018. Vol. 59, № 6. Pp. 61-76.
 11. Brands H. The Unexceptional Superpower: American Grand Strategy in the Age of Trump // *Survival*. December 2017-January 2018. Vol. 59, № 6. Pp. 7-40.
 12. Clarke M., Ricketts A. Donald Trump and American foreign policy: The return of the Jacksonian tradition // *Comparative Strategy*. 2017. Vol. 36, № 4. Pp. 366-379.
 13. Haass R. A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order (with a new afterword). New York, Penguin Books, 2018. 368 pp.
 14. Heisbourg F. War and Peace After the Age of Liberal Globalisation // *Survival*. February-March 2018. Vol. 60, № 1. Pp. 211-228.
 15. Ikenberry J.G. The End of Liberal International Order? // *International Affairs*. 2018. Vol.94, No.1. Pp. 7-23.
 16. Ikenberry J.G. The Plot against American Foreign Policy: Can the Liberal Order Survive? // *Foreign Affairs*. May-June 2017. Vol. 96, № 3. Pp. 2-9.
 17. Lissner R.F., Rapp-Hooper M. The Day after Trump: American Strategy for a New International Order // *The Washington Quarterly*. 2018. Vol. 41, No.1. Pp. 7-25.
 18. Louth J., Taylor T. The US Third Offset Strategy // *The RUSI Journal*. June- July 2016. Vol. 161, № 3. Pp. 66-71.
 19. Posen B.R. The Rise of Illiberal Hegemony: Trump's Surprising Grand Strategy // *Foreign Affairs*. March-April 2018. Vol. 97, № 2. Pp. 20-27.
 20. Schultz K.A. Perils of Polarization for U.S. Foreign Policy // *The Washington Quarterly*. 2018. Vol. 40. Winter. Pp. 7-28.
 21. Stokes D. Trump, American Hegemony and the Future of the Liberal International Order // *International Affairs*. 2018. Vol. 94, No.1. Pp. 133-150.

Об авторах:

Олег Владимирович Приходько – к.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады РАН. Россия, 121069, Москва, Хлебный пер. 2/3.

E-mail: olegvladim@yandex.ru.

Павел Евгеньевич Смирнов – старший научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады РАН. Россия, 121069, Москва, Хлебный пер. 2/3.

E-mail: smi-pavel@yandex.ru.

PRESIDENT TRUMPS' STRATEGY: CONTINUITY AND NEW APPROACHES

O.V. Prikhodko, P.Ye. Smirnov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-81-109

Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences

Abstract: After Donald Trump took office as President of the United States, Washington displays in many respects a new foreign policy philosophy, as well as non-conventional political practices. The 45th President has virtually resigned the liberal globalist paradigm, he is highly sceptical about key transnational institutions of the world order, he would not hesitate to withdraw from key agreements signed by the United States if these agreements do not suit the current team in the White House. Trump's national capitalism, his trade protectionist practices have caused a major crisis between the United States and its partners and allies, enhanced tensions with rival states.

The authors of this article compare basic philosophic and doctrinal elements of Trump's 'grand strategy' and major practical steps by his administration in the foreign and trade policies. The main conclusion from this analysis is that, despite Trump's obvious abdication of the U.S. leadership in the liberal world order and its institutions, he is in no way isolationist within the world system. This applies to everyone who takes office as U.S. President, irrespectively of his/her political views.

Donald Trump's policies in 2017 and the first half of 2018 show that his America First rhetoric, his assurances of not seeking to impose the American way of life on anyone, do not contravene the use of force in conflicts in the U.S. interests, or widening the U.S. military presence abroad if Washington sees a threat to its vital strategic interests. This includes regions adjacent to the Russian frontiers. Power projection, as well as maintaining the U.S. - led security alliances – no matter how deeply they may be divided – is the key element of continuity in Washington's strategy. Increased tensions in the U.S. – Russia and U.S. – China relations are inevitable in these circumstances, since the Trump administration declared them 'revisionist powers'. Getting out of the deep crisis in the U.S. – Russian relationship becomes still more difficult and requires creativity and non-standard approaches.

Key words: U.S. strategy, Donald Trump's foreign policy, Russia, China, Europe, allies, partnerships, world order, power, globalism, nationalism, transactionalism.

References

1. Antonovich I.I. Geopoliticheskaya strategiya Donal`da Trampa: ot panglobalizma k nacionalglobalizmu [Donald Trump's geopolitical strategy: from panglobalism towards national globalisation]. *Prostranstvo i vremya*. 2017, no. 1 (27), pp. 34-44. (In Russian).
2. Arbatov A.G., Arbatova N.K. Faktor Trampa v rossijsko-amerikanskih otnosheniyah [Trump factor in Russia-US relations]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2017, no. 3, pp. 160-178. (In Russian).
3. Garbuzov V.N. Tramp: blokirovanoe prezidentstvo [Trump: presidency blocked]. *SSHА i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 2017, no. 11 (575), pp. 5-28. (In Russian).
4. Klepackij L.N. Deglobalizatsiya mirovoj sistemy [Deglobalization of the world system]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2015, no. 8, pp. 25-45 (In Russian).
5. Larionova M. Saharov A. Shelepov A. Rahmangulov M. Vneshnyaya politika Trampa i mnogostoronniye instituty kollektivnogo upravleniya [Trump's foreign policy and multilateral institutions of collective governance]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. 2017, no. 4, pp. 31-41. (In Russian).
6. Savkovich Ye.V., Cherepanova I.A. Razvitiye sistemy «strategicheskogo i ekonomicheskogo dialoga» KNR i SSHА: zadachi dlya administratsii D.Trampa [U.S.- China strategic economic dialogue in progress: tasks for Trump administration]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2018, no. 52, pp. 53-57. (In Russian).
7. Fukuyama F. State-Building. Governance and World Order in the 21st Century. New York. Cornell University Press, 2004. 160 pp. (in Russian).
8. Yakovlev. P.P. «Faktor Trampa» i menyayushchisya oblik globalizatsii [“The Trump factor» and the changing face of globalization]. *Mirovaya ehkonomika*

- i Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017, vol. 61, no 7, pp. 5–14. (In Russian).
9. Abrams E. Trump the Traditionalist. *Foreign Affairs*. July-August 2017, vol. 96, no. 4, pp. 10-16.
 10. Anthony I. European Security after the INF Treaty. *Survival*. December 2017 - January 2018, vol. 59.no. 6, pp. 61–76.
 11. Brands H. The Unexceptional Superpower: American Grand Strategy in the Age of Trump. *Survival*. December 2017-January 2018, vol. 59, no. 6, pp. 7-40.
 12. Clarke M., Ricketts A. Donald Trump and American foreign policy: The return of the Jacksonian tradition. *Comparative Strategy*. 2017, vol. 36, no. 4, pp. 366-379.
 13. Haass R. *A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order (with a new afterword)*. New York, Penguin Books, 2018. 368 pp.
 14. Heisbourg F. War and Peace After the Age of Liberal Globalisation. *Survival*. February-March 2018, vol. 60, no. 1, pp. 211-228.
 15. Ikenberry J.G. The End of Liberal International Order? *International Affairs*, 2018, vol. 94, no.1, pp. 7-23.
 16. Ikenberry J.G. The Plot against American Foreign Policy: Can the Liberal Order Survive? *Foreign Affairs*. May-June 2017, vol. 96, no. 3, pp. 2-9.
 17. Lissner R.F., Rapp-Hooper M. The Day after Trump: American Strategy for a New International Order. *The Washington Quarterly*. 2018, vol. 41, no.1, pp. 7-25.
 18. Louth J., Taylor T. The US Third Offset Strategy. *The RUSI Journal*. June-July 2016, vol. 161, no. 3, pp. 66-71.
 19. Posen B.R. The Rise of Illiberal Hegemony: Trump's Surprising Grand Strategy. *Foreign Affairs*. March–April 2018, vol. 97, no. 2, pp. 20-27.
 20. Schultz K.A. Perils of Polarization for U.S. Foreign Policy. *The Washington Quarterly*. 2018, vol. 40, no. 4, pp. 7-28.
 21. Stokes D. Trump, American Hegemony and the Future of the Liberal International Order. *International Affairs*. 2018, vol. 94, no.1, pp. 133-150.

About the authors:

Oleg V. Prikhodko – Ph.D. in history, leading research fellow, Department for Foreign Policy Studies, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences. 2/3, Khleby pereulok, Moscow, 121069, Russia. E-mail: olegvladim@yandex.ru.

Pavel Ye. Smirnov – senior research fellow, Department for Foreign Policy Studies, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences. 2/3, Khleby pereulok, Moscow, 121069, Russia. E-mail: smi-pavel@yandex.ru.